

A movie poster for 'The Adventures of Vasiliy Petukhov'. It features a young boy with brown hair, wearing a dark green long-sleeved shirt and a large blue backpack. He is holding a ginger cat in his arms. The background is a mix of a city street at night and a cosmic space scene with stars, nebulae, and a green alien head on the right. The text is overlaid in white.

Владимир Кожевников

**Приключения
Василия Петухова
Том IV**

Владимир Кожевников

**Приключения Василия
Петухова Том IV**

«Автор»

2025

Кожевников В. В.

Приключения Василия Петухова Том IV / В. В. Кожевников —
«Автор», 2025

Студент-троечник Вася Петухов и не подозревал, что обычная жизнь в общежитии может быть такой непредсказуемой. То он по ошибке становится Верховным Арбитром Вселенной и разрешает звёздные споры игрой в «морской бой». То его самодельный аппарат превращает университетский туалет в портал времени, заманивая в гости мамонтёнка и алхимиков. А однажды Вася заключает контракт с демоном-репетитором, чтобы сдать сессию, и вступает в противостояние с галактическими инспекторами, охраняющими вселенский баланс. Впрочем, какие бы космические катаклизмы ни обрушивались на его голову, главными врагами Василия остаются хвосты по серверу, вечно недовольная комендантша и вечный вопрос: где взять денег до стипендии. Ироничные, тёплые и безумно увлекательные истории о том, как самые фантастические приключения уместаются в стенах обычного общежития, а главное сокровище — не межгалактические технологии, а банка сгущёнки и верные друзья.

Содержание

Вася Петухов и Контрольная работа Апокалипсиса	5
Глава 2. Морской бой за красоту вселенной	7
Глава 3. Слушания на кухне с запахом вечности	10
Вася Петухов и проклятие бермудского унитаза	14
Глава 3. День. Гость из плейстоцена	17
Глава 4. Вечер. Визит хронополиции	19
Глава 5. Прыжок. Ледниковый период и варежки из шерсти	22
Глава 6. Вторая вылазка. Чаша алхимика	25
Глава 7. Финальный прыжок. Диспозиция для императора	27
Вася Петухов и Чертов обмен	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Кожевников

Приключения Василия Петухова Том IV

Вася Петухов и Контрольная работа Апокалипсиса

Глава 1. Код доступа из подъезда

Дождь в Новосибирске осенью – это не атмосферное явление, а состояние вселенной. Он не падал, а висел в воздухе холодной, мокрой пылью, проникая под куртку, в душу и в единственную тетрадку по сопромату, которую Вася Петухов нес из политеха. Вася, студент третьего курса, чьей главной жизненной целью было благополучно проскочить сессию и выспаться в воскресенье, шагал, уткнувшись в асфальт. Именно поэтому он почти наступил на него.

«Оно» свернулось калачиком у обшарпанной двери подъезда общежития №7 – коробки из серого бетона с вечно заклинивающими дверями. Это был кот. Но не просто кот. Это был комок грязно-рыжей шерсти, одно ухо которого было надорвано, а во взгляде читалась такая вселенская усталость от бытия, что Вася, сам того не желая, остановился.

– Ну чего уставился? – проворчал Вася, копаясь в кармане. – На, остаток сосиски. Сам бедный студент.

Кот не двинулся с места, лишь медленно моргнул. И в этот момент из-за угла, визжа дверями, вывернула «девятка». Вася инстинктивно рванулся, чтобы отшвырнуть животное, но поскользнулся на мокрой плитке и тяжело рухнул рядом, обняв кота. Машина пронеслась в сантиметрах.

– Вот чёрт! – выдохнул Вася, чувствуя, как коленка горит, ободранная о бетон. Кот в его руках заурчал. Громко, как вибрация старого холодильника. – Ладно, ладно, герой. Занесём тебя, обсохнешь.

Таща за шиворот недовольного, но не сопротивляющегося зверя, Вася вздохнул. В голове пульсировала единственная мысль: «Капитолина Ивановна убьёт». Капитолина Ивановна – комендант, женщина, чья ненависть к живым существам, кроме кактуса на её столе, была легендарной.

Доплетаясь до своей комнаты на пятом этаже, Вася запустил кота под кровать и потянулся за пачкой «Доширака». Именно в этот момент зверь, обнюхав пыльные тени, вышел на свет и, глядя прямо Василию в глаза, издал звук. Не мяукнул. А произнёс нечто низкое, вибрирующее, состоящее из щелчков и шипения.

– Мрр-кх-ссс-фааа-нум?

Вася замер с вилок в руке. Мозг, забитый формулами сопротивления материалов, попытался обработать информацию. И выдал стереотипный, спаянный на тысячах студенческих посиделок ответ на любой невнятный или философски сложный вопрос.

– Без бутылки не разберёшь, – буркнул он автоматически, тыча вилок в кипяток. – Чёткое «неа». Всё. Точка.

Фраза «Без бутылки не разберёшь, чёткое неа» повисла в воздухе. И комната взорвалась светом.

Нет, не огнём. Её пространство заполнилось голографическими проекциями – плотными, почти осязаемыми сине-золотыми линиями, сплетавшимися в трёхмерные мандалы, в центре которых пульсировали не то руны, не то схемы микропроцессоров. Воздух затрещал от тихого, низкочастотного гула, от которого заныли зубы. Прямо перед носом Васи, вытеснив тарелку с лапшой, возник светящийся интерфейс на языке, которого он не знал, но почему-то интуитивно схватывал суть. В центре сияла надпись: «СИСТЕМА ГАЛАКТИЧЕСКОГО

АРБИТРАЖА. ДОСТУП ОТКРЫТ. АРБИТР ВЫСШЕГО РАНГА: ВАСИЛИЙ ПЕТУХОВ. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ID».

Вася тупо посмотрел на свой студенческий билет, валявшийся на столе. На его обороте красовался потрёпанный штрих-код, который он вчера сам заклеил скотчем после попытки им открыть дверь в буфет. На голографической панели тот же штрих-код светился, обрамлённый лавровым венком.

– Глюк, – пробормотал Вася, зажмурившись. – Не выспался. Лапша с глутаматом. Щас пройдёт.

Он открыл глаза. Голограмма не прошла. Она стала ещё ярче. В углу интерфейса мигало предупреждение на внезапно понятном русском: «Фраза-идентификатор принята. Уровень доступа: АБСОЛЮТНЫЙ. Приветствуем, Арбитр».

– Вот ведь... баг системный, – прошептал он, и в голосе уже была не паника, а зарождающееся чувство абсурдной ответственности. – Накосячили где-то...

Прежде чем он успел что-либо сделать, интерфейс мигнул и исчез. Вместо него на полу материализовалась... нет, не материализовалась, а как бы проступила из самой реальности фигура. Это был робот. Но не блестящий и футуристичный, а скорее унылый, прямоугольный, похожий на передвижной шкаф с одним красным оптическим сенсором. Он издал звук, похожий на треск матричного принтера.

«ВЕРХОВНОМУ АРБИТРУ ПЕТУХОВУ В. В. ТРЕБУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРИБЫТЬ В СЕКТОР АЛЬФА-ЦЕНТАВРА ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ИСКА № 734-ГАММА/ОМЕГА О ДЕМАРКАЦИИ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ. ВРЕМЯ В ПУТИ: 7 СТАНДАРТНЫХ ГАЛАКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ. ОТКАЗ РАВНОСИЛЕН КАПИТУЛЯЦИИ».

Вася, всё ещё сидя на полу в луже от растёкшейся лапши, уставился на робота. Потом на кота, который с невозмутимым видом вылизывал лапу. Потом снова на робота. Всё это было настолько нелепо, что паника отступила, уступив место знакомому чувству – необходимости выкрутиться из неприятной ситуации, в которую ты попал совершенно случайно. Он глубоко вздохнул.

– Уважительная причина, – хрипло, но уже почти деловито сказал он. – Хвост по терверу. Приложу справку.

Робот замер. Его сенсор замигал жёлтым.

«ПОНЯТНО. ТРЕБУЕТСЯ ОФИЦИАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОТ ЛИЦЕНЗИРОВАННОГО МЕДИЦИНСКОГО СПЕЦИАЛИСТА О НАЛИЧИИ ЗАБОЛЕВАНИЯ «ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ». СРОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ – 24 ЧАСА. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ БУДЕТ ПРИМЕНЕНА ПРОЦЕДУРА ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ДОСТАВКИ».

Робот растворился так же бесшумно, как и появился. Голограммы погасли. В комнате пахло жареной картошкой из кухни и «Дошираком».

Вася Петухов медленно поднялся, подошёл к столу, взял студенческий билет. Потом посмотрел на кота. Тот уставился на него своим древним, знающим взглядом.

– Это ты так «спасибо» говоришь? Или это ты мне этот... доступ открыл?

Кот мотнул головой, будто отгоняя муху, и полез под кровать, ясно давая понять, что разговор окончен. Вася сел на стул. За стеной захлопали домино и заорали: «Козла!». Всё было как обычно. Кроме одного. Теперь он, Вася Петухов, троечник из общаги, был Верховным Арбитром Вселенной по ошибке. И у него был хвост по терверу. Приоритеты выстроились сами: сначала – найти врача, который напишет справку о болезни теорией вероятностей. А там – видно будет.

Глава 2. Морской бой за красоту вселенной

На следующий день Вася проснулся с кристальной, как ему казалось, мыслью: всё приснилось. Кота под кроватью не было. Он вздохнул с облегчением и потянулся за носками.

В этот момент в дверь постучали. Не так, как стучат соседи – скулящим «Вась, открой, срочно!» – а твёрдо, размеренно, три удара, от которых задрожали стаканчики с карандашами на столе.

– Открыто! – крикнул Вася, натягивая джинсы.

Ничего не произошло. Потом дверь... засветилась по контуру и стала прозрачной, как плёнка. Два силуэта шагнули сквозь неё, и дверь снова обрела солидность советского дерева и краски. На пороге стояли двое. Вернее, это были не люди.

Первый был высок, невероятно худ и длинен, словно его вытягивали за оба конца в какой-то галактической пытке. Он был облачён в струящиеся серебристые одежды, а его лицо с огромными миндалевидными глазами лилового цвета выражало возвышенную скорбь. За ним висел шлейф из мелких, мерцающих голограмм, похожих на танцующие уравнения.

Второй едва помещался в дверном проёме. Он был широк, мускулист до карикатурности, с кожей, напоминающей бугристую зелёную броню. Его маленькие глазки-щёлочки горели яростью под мощным надбровьем. Он сопел, как перегруженный паровой котёл.

– Где Арбитр? – прогремел зелёный, озираясь. – Здесь пахнет... симбиозом дрожжевых культур и экзистенциального кризиса третьего курса!

– Я, – выдохнул Вася, замирая с одним натянутым носком. – Временно исполняющий обязанности. В чём, собственно, проблема?

Худой инопланетянин изящно склонил голову, и его шлейф-голограмма взметнулась. – О, Судия! Я – Элдриан-Икс-7 с Ипсилон Лебеда, представитель Гиперборейцев. Этот... этот эстетический вандал – Грорг Скала с Беты Живописца, вождь Крокодилов. Мы взываем к твоей трансцендентальной мудрости!

– Они взывают к моему кулаку! – рыкнул Грорг, и его кулак, размером с Васину голову, сжался. – Спор о красоте! Наша звезда, Бета Живописца – идеальный жёлтый карлик, эталон термоядерной гармонии! Их Ипсилон Лебеда – холодный, вырождающийся красный гигант, к тому же с асимметричной протопланетарной туманностью! Это космическое безобразие!

– Безобразие – это ваше примитивное, бинарное восприятие! – парировал Элдриан, и его голос зазвенел, как разбивающийся хрустальный фонтан. – Туманность – это божественная неоднородность! Прекрасный хаос, рождающий смысл! Ваша звезда – банальный, скучный плазменный шарик!

– Шарик?! Я тебе щас покажу, где у этого шарика экватор!

Вася видел, как дело движется к межзвёздной потасовке прямо среди его разбросанного белья и чайных пакетиков. В голове, как спасательный круг, всплыла картина: его соседи, Саня и Коля, так же орали неделю назад, чья игровая мышь круче. Их спор длился два дня, пока Вася не бросил им на стол колоду карт со словами: «Разрулите в «дурака». Кто выиграл – тот и прав». Они играли до утра, а утром пожали друг другу руки.

Принцип был универсальным. Нужно было перевести абстрактную войну в конкретное, понятное, ограниченное правилами поле.

– Тише! – гаркнул Вася так, что у Элдриана дёрнулось ухо, а Грорг нахмурился. – Спор субъективный. Стандартные протоколы арбитража не работают. Поэтому назначаю... дуэль. По правилам моей юрисдикции.

– Дуэль на квантово-запутанных излучателях? – оживился Элдриан, и в его шлейфе замелькали схемы оружия.

– На гравитационных бластерах? На кулаках?! – просиял Грорг, потрясая теми самыми кулаками.

– Нет, – Вася порылся в столе и с торжеством вытащил два листка в клетку из общей тетради. – На вот этом. Это поле битвы. Цивилизованное.

Он быстро расчертил на каждом по два квадрата 10х10, подписал «Г» и «К». – Расставляйте флоты. Четыре однопалубных, три двухпалубных, два трёхпалубных, один четырёхпалубный.

Воцарилась тишина. Элдриан склонился над листком, его глаза сканировали клетки с микронной точностью. Грорг скривил свой бронированный рот.

– Это что за примитивная...

– В моей юрисдикции – мои правила, – перебил Вася, стараясь говорить со спокойной уверенностью, которой не чувствовал. – Не нравится – апелляционный совет находится в туманности Андромеды. Проезд – пять тысяч парсеков, оплата наличными или душами. Ты слабо?

Последняя фраза сорвалась с языка сама собой, сработав на рефлекс. Грорг побагровел (насколько это позволяла его зелёная кожа). – Я?! Слабо?! Да я всю жизнь только и делал, что побеждал!

– Тогда докажи. Карандаши вот. А ты, – Вася повернулся к Элдриану, – не перемудри. Это игра тактики, а не высшей математики.

Через десять минут в комнате стояла напряжённая тишина, нарушаемая лишь скрежетом зубов Грорга («Я же поставил сюда свой линкор!») и почти неслышным гудением мыслительных контуров Элдриана («Интересно, если рассчитать вероятность попадания по принципу Монте-Карло...»).

– А1! – объявил Гипербореец.

– Ми-и-мо! – пропел Грорг с плохо скрываемым злорадством.

– Ж8!

– Ранил! Ах ты, щуплый калькулятор!

Вася, наблюдая за этим, налил себе чаю. Он чувствовал себя странно: не богом и не полководцем, а скорее завучам на школьном турнире по шахматам. И это успокаивало.

Игра шла к развязке, когда в коридоре раздался знакомый, леденящий душу рёв: «Петухов! Ты у меня опять порталы в комнате устраиваешь?!».

Дверь распахнулась с такой силой, что задрожала стена. На пороге стояла Капитолина Ивановна, женщина, чья аура бытовой ярости была сильнее любого гравитационного поля. Она окинула взглядом комнату, Элдриана, Грорга, листочки на столе.

– А это... что за маскарад? – выдавила она, сверкнув глазами.

– Гости, – выпалил Вася. – Из... института когнитивных исследований. У нас турнир по морскому бою. За звание самой красивой... диссертационной работы.

– Безобразия, – фыркнула комендант. Её взгляд, полный вселенского презрения ко всему живому и особенно к студентам, скользнул по прищельцам. – Чтобы тихо. А то вызову... кого надо. – И, громко хлопнув дверью, удалилась.

Элдриан и Грорг переглянулись. Взгляд земной женщины, насыщенный чистой, неразбавленной административной ненавистью, впечатлил их больше, чем любые звёздные катаклизмы. На мгновение они почувствовали себя братьями по несчастью.

– Б6, – прохрипел Грорг, не отрывая глаз от двери.

– Попадание. Корабль уничтожен, – тихо произнёс Элдриан, аккуратно ставя крестик. – Капитулирую. Ваша звезда... обладает определённой... первозданной брутальностью. Она имеет право на существование в пантеоне прекрасного.

– А ваша – не лишена... ущербного, но сложного изящества, – нехотя буркнул Грорг, откладывая карандаш. – Ладно. Спор исчерпан. Арбитр, твой метод... эффективен.

Они встали, кивнули друг другу и Васе. Элдриан аккуратно сложил свой испещрённый крестиками и ноликами листок, как священный свиток, и убрал в складки одежды. Грорг смял свой в могучий кулак, но не выбросил, а засунул за поясницу.

– Вердикт Арбитра мудр и неожидан, – сказали они почти хором и, не дожидаясь ответа, шагнули к стене. Стена на мгновение засветилась, и они растворились в ней.

Вася вздохнул и подошёл к окну. На подоконнике, греясь в утреннем солнце, сидел рыжий кот и смотрел на него тем же древним, всепонимающим взглядом.

– Ну что, – спросил Вася. – Я хорошо отработал? Это входит в мою стипендию?

Кот молча спрыгнул на пол и, виляя хвостом, направился к шкафу. Он ткнулся носом в нижнюю тумбочку. Вася открыл её. Внутри, сверкая жестяными боками, стояли рядами, как солдаты, банки сгущёнки. Их было штук тридцать. На каждой, вместо привычного «ГОСТ», красовалась миниатюрная голографическая этикетка с тем самым сине-золотым знаком Галактического Арбитража и надписью: «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА УСПЕШНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРА. КАТЕГОРИЯ: МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНФЛИКТ».

Это был аванс. И система, похоже, работала не только на отнимание, но и на поощрение. Вася взял одну банку. Она была тяжёлой, холодной и очень, очень реальной. Проблема со справкой от врача внезапно показалась ему решаемой. Как-нибудь.

Глава 3. Слушания на кухне с запахом вечности

Сгущёнка закончилась на третий день, вместе с призрачной надеждой найти врача. Вася сидел на кухне, разглядывая в интернете симптомы несуществующих болезней. Его друг Дима, спасовавший перед тервером, жарил на последнем масле дохленькую картошку.

– Пиши справку сам, – уговаривал он. – Распечатай на цветном. Они там, в своих секторах, печати наших поликлиник не отличат.

– Отличат, – мрачно ответил Вася. – У них там, наверное, база... – он не закончил.

Потому что кухня изменилась. Звуки – шипение картошки, гул холодильника – не прекратились, но как бы отошли на второй план. На первый вышла тишина, густая и внимательная. Запахи – жареного, пыли, сырости – сплелись с двумя новыми: нотами древнего ладана и едкой, электрической озонностью.

На двух стульях у окна, которые только что были пусты, теперь кто-то сидел. Они не появились. Они проявились, как два изображения на одной и той же фотоплёнке, которую поочерёдно проявляли в разных растворах.

Слева – мужчина в безупречно белом, но слегка помятом костюме, будто он в нём не спал несколько миллиардов лет. Его лицо было добрым, но обременённым колоссальной, ненормированной ответственностью. Он теребил в пальцах шариковую ручку, на коленях у него лежала папка с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. МЕТА».

Справа – женщина в безупречно строгом красном пиджаке и юбке-карандаш, от которой веяло ледяной эффективностью. Её черные волосы были убраны в безупречный пучок, а острые каблук, казалось, впивались не в линолеум, а в саму ткань реальности. Она изучала экран тонкого планшета, щёлкала языком.

Оба медленно подняли головы и уставились на Васю.

Дима, помешивая картошку, обернулся.

– Вась, гости? Опять по обмену? Щас, я доложу...

Он увидел их. Ложка выпала у него из руки и со звоном покатилась по полу. Дима замер, его лицо стало маской чистого, животного непонимания. Его мозг инженера-электрика отказывался обрабатывать данные. Он просто открыл рот.

– Мы к Арбитру, – сказал мужчина в белом. Его голос был тихим, но заполнил собой каждый уголок кухни, вытеснив даже звук кипящего чайника. – Дело вечности № 0. «О нарушении квотного соглашения по душам разумных видов, подсекция „Хомо сапиенс“».

Женщина в красном щёлкнула планшетом. – Истец – Управление небесных кадров и этеризации. Ответчик – Отдел Стимуляции и Мотивации, Нижние Инстанции. Судия – вот он. – Её взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по Васе. – Начнём, или вам нужно время на раскачку? У нас его, впрочем, много.

Вася почувствовал, как земля уходит из-под ног в прямом смысле – пол под ним слегка поплыл. Он узнал их. Не по лицам – по давлению. То, что сидело на стульях, было лишь удобным интерфейсом. За ним маячила бездна полномочий.

– Я... слушаю, – выдавил он, хватаясь за край стола.

– Суть спора, – начала женщина-Дьявол (Вася мысленно уже дал им имена), – в систематических поставках некондиционного товара. По квоте, распределение 70/30. Но ваш последний «выпуск»! – Она язвительно щёлкнула пальцами. – Бездуховные, ориентированные на потребление, с атрофированной способностью к метафизическому выбору! Они не годятся ни для Райских резервов – слишком скучные, ни для Адского фонда – слишком вялые и невос-

приимчивые к классическим искушениям! Это не души, а... технологический брак. Некондичия. Мы требуем расторжения договора на данный вид.

Бог (Вася мысленно поставил и ему галочку) устало закрыл глаза. – Я не «поставляю». Я предоставляю условия. Свободу воли. Они сами выбирают. А выбирают они... вот это. – Он махнул рукой, и в воздухе на мгновение мелькнули голограммы: бегущие строчки новостей, мерцающие экраны, безликие толпы. – Мои вакансии остаются открытыми. Его квоты – не заполняются. Договор не работает. Мы пришли к арбитру как к последней инстанции перед... аннулированием.

– Аннулированием... человечества? – тихо спросил Вася.

– Проекта «Человечество», – поправил Дьявол. – Да.

Дима, наконец, пришёл в себя. – Э-э-э... – начал он. – А можно вопрос? Вы... вы точно по адресу? У нас тут общежитие...

– Молчи, – сказал Дьявол, не глядя на него, и Дима заткнулся, почувствовав, как его язык онемел.

Вася смотрел на них: на измождённого начальника, заваленного бессмысленной работой, и на яростного аудитора, которого бесит халтура. И ему вдруг стало их жалко. Как жалко двух директоров, которые вот-вот зарежут перспективный, но убыточный отдел, потому что не видят в нём потенциала. А отдел – это весь мир.

И тогда в его голове, поверх формул и страха, всплыл единственный работающий алгоритм. Алгоритм общежития. Алгоритм делёжки, когда на всех не хватает, но делить нужно.

– Вы оба не правы, – голос Васи набрал твёрдость. – Вы смотрите на них как на продукт. На итог. А смотреть надо... на процесс.

– Процесс производства брака? – ехидно спросил Дьявол.

– Процесс... жизни! – выпалил Вася. – Они не «некондиционные». Они – сложные. Запутанные. Как чёрный ящик. Вы судите по выходным данным, а внутри – целая вселенная! Вы смотрите сверху – видите стадо. А надо – изнутри. Сбоку. Как сосед по койке.

– Что ты предлагаешь, Арбитр? – спросил Бог, и в его усталых глазах мелькнула искра не надежды, а профессионального любопытства.

– Предлагаю... изменить условия договора, – сказал Вася. – Не делить их по итогу. Дать им... собственный статус. Не Рай, не Ад. А вот это. – Он обвёл рукой кухню: протекающий кран, Диму, пахнущую картошку, трещину в кафеле. – Жизнь. Со всей её ерундой, гаджетами, сессиями и... шансами. Со свободой быть заурядным, а потом – совершить нечто. Не «распределение», а... – он нашёл услышанное где-то слово, – probation! Испытательный срок.

– Probation? – переспросил Дьявол, прищурившись.

– Да. Вечный испытательный срок. Вы оба – не сборщики душ, а... наблюдатели. Кураторы. Они – третья, самостоятельная сторона договора. А вы смотрите, анализируете, ждёте. Миллион лет. Потом – пересмотр.

Бог и Дьявол переглянулись. В воздухе между ними что-то щёлкнуло, как при переключении рубильника. Запах ладана и озона смешался, породив третий, нейтральный – запах свежей, чистой неизвестности.

– Probation... – протянул Бог, и на его лице появилось подобие улыбки. – Бесконечное поле для наблюдения. Непредсказуемые данные. Это... да, это может быть интересно.

– Риск, – сказала Дьявол, но в её глазах зажёгся азарт охотника, увидевшего новую, непонятную дичь. – Абсолютный, немоделируемый риск. Они могут деградировать в ничто. Или... создать нечто, чего нет в моих архивах и его реестрах. Хаос с бесконечным выходом. Мне... это импонирует.

Они встали одновременно, и стулья заскрипели с облегчением.

– Вердикт Арбитра принят к исполнению, – сказали они хором, и в их голосах впервые звучала синхронность. – Договор продлён. Пункт о распределении заменён на пункт о вечном probation с правом пересмотра через 1 000 000 лет.

И они стёрлись. Не исчезли, а стёрлись, как карандашный набросок ластиком. На стульях остались лишь два слабых отпечатка: один пахнул свежевыглаженной простыней, другой – грозой после дождя.

Дима схватился за сердце.

– Вась... я, кажется, видел... или мне это...

– Молчи, – сказал Вася, но уже по-дружески. – И забудь. Запомни только: у человечества probation. Веди себя прилично.

В этот момент стена за спиной у Васи замерцала знакомым сине-золотым узором. Материализовался прямоугольный робот-исполнитель. Его красный глаз-сенсор беспристрастно зафиксировал Васю.

«ВАСИЛИЙ ПЕТУХОВ. СИСТЕМОЙ ЗАФИКСИРОВАНО ГРУБЕЙШЕЕ НАРУШЕНИЕ ПРОТОКОЛА – ВНЕСЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ДОГОВОР ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО УРОВНЯ БЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УТВЕРЖДЁННЫХ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИХ БЛАНКОВ (ФОРМЫ АРБ-7/Ω, АРБ-8/Ω И ПРИЛОЖЕНИЯ Ψ). В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ИСПОЛЬЗОВАНЫ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ: УСТНЫЕ ТЕЗИСЫ, СЕНСОРНЫЕ ДАННЫЕ О ЗАПАХЕ ПИЩЕВОГО ЖИРА, УСТНОЕ НАРОДНОЕ ПРАВИЛО («НА ТРОИХ»). ПРОЦЕДУРА ПРИЗНАНА НЕЛЕГИТИМНОЙ, НО РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ».

Робот сделал драматическую паузу.

«НА ОСНОВАНИИ ПУНКТА 1.1 «О НЕВЫНОСИМОМ БЮРОКРАТИЧЕСКОМ ИДИОТИЗМЕ, ПРОТИВОРЕЧАЩЕМ ДУХУ И БУКВЕ СИСТЕМЫ» ПОЛНОМОЧИЯ АРБИТРА ВАСИЛИЯ ПЕТУХОВА АННУЛИРОВАНЫ. ДОСТУП К СИСТЕМЕ ЗАКРЫТ. КОД ДЕАКТИВИРОВАН».

Вася почувствовал не потерю, а освобождение. С него сняли гигантский, невидимый ранец. Он снова был просто Василий Петухов, студент с хвостом.

«ОДНАКО, – продолжил робот, – ЗА ДОСТИГНУТЫЙ РЕЗУЛЬТАТ В РАЗРЕШЕНИИ СПОРА КАТЕГОРИИ «АБСОЛЮТ-МЕТА» СИСТЕМА ВЫДЕЛЯЕТ КОМПЕНСАЦИОННОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ».

Из его корпуса выдвинулся небольшой отсек. В нём лежала одна банка сгущёнки и... небольшой ошейник с крошечным, стилизованным под кошачью морду, кулоном-голосовым модулем.

«ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ №1: МАТРИЧНЫЙ ОБРАЗЕЦ ПРОДУКТА «СГУЩЁННОЕ МОЛОКО». ПОМЕЩЁН В ЯЧЕЙКУ ХРАНЕНИЯ (ТУМБОЧКА, СЕКТОР 5, КОМНАТА 507). ОБЕСПЕЧИВАЕТ ВЕЧНЫЙ ЗАПАС. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ №2: ОСОБЬ «FELIS GALASTICUS IMPERIALIS», БЫВШИЙ ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ СИСТЕМЫ КРОКОДИЛОВ, СВЕРГНУТЫЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА, НЫНЕ – БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА «КОТ МАРКУС». ПЕРЕДАЁТСЯ ПОД ВАШЕ ПОПЕЧЕНИЕ. ДОКУМЕНТАЦИЯ (ПАСПОРТ, СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ ОТРЕЧЕНИИ, ВЕТЕРИНАРНАЯ КНИЖКА) ПРИЛАГАЕТСЯ».

Робот исчез. На полу остались банка и ошейник. Из-под плиты, где было теплее всего, вылез рыжий кот Маркус. Он подошёл, сел перед Васей, внимательно посмотрел ему в глаза. Потом ткнулся лбом в его колено. Урчание было громким и довольным.

Дима, забыв про всё, рванул в комнату. Через минуту он вернулся, неся в охапке пять банок сгущёнки.

– Там... там полная тумбочка! И светится!

– Вечный запас, – кивнул Вася. Он взял ошейник, посмотрел на кота. – Надевать будем?

Кот мотнул головой: нет. А потом... произнёс. Голос был низким, с хрипотцой, звучал не из глотки, а как бы из воздуха вокруг него.

– Ошейники – для вассалов. Я – в отставке. А говорить... научился, пока за тобой наблюдал. Решил, что заслужил. Спасибо, Арбитр. Ты... неплохо справился. Для примата.

Вася рассмеялся. Он сидел на кухне в общаге, с бывшим галактическим императором на коленях, а в тумбочке ждал вечный запас сгущёнки. Человечество получило вечный испытательный срок. А у него завтра была контрольная по сопромату, к которой он, как всегда, не готов.

Но теперь это не казалось концом света. Это было просто жизнь. Probation. Со всеми её сложностями, запахами картошки и неожиданными подарками судьбы.

Конец

Вася Петухов и проклятие бермудского унитаза

Глава 1. Пертурбация пространственно- сортирного континуума

Комната в общежитии № 312 была святилищем парадоксальной науки. Здесь пахло плавленной канифолью от паяльника, пылью, выгорающей на раскалённых радиаторах, сладковатым перегаром и – дерзкой, почти наглой надеждой. В эпицентре хаоса, на столе, заваленном конспектами по сопромату, возвышался «Флюидный пертурбатор» – гибрид самогонного аппарата и системного блока эпохи Pentium IV. К его шасси были прикручены, припаяны и примотаны изолентой медные змеевики, колбы и датчики. Логика Васи Петухова была безупречна: вычислительные мощности древнего железа должны были анализировать брагу в реальном времени, рождая напиток беспрецедентного качества.

Его соратник, айтишник Котька, скептически хмурия лоб, ковырялся в паутине проводов. «Вась, изоляция на блоке питания не плавится, а испаряется. Ты уверен, что мы не создаём чёрную дыру?»

«Чёрные дыры – для теоретиков, – философски ответил Вася, заливая в горловину мутную жидкость цвета крепкого чая. – Мы же практики. Создаём аппарат для сиюминутной радости. Или для грандиозного баха – граница, знаешь ли, тонка».

Церемония включения была лишена пафоса. Вася щёлкнул тумблером. Машина вздохнула – замигали диоды, вентиляторы завывали, гоняя воздух, насыщенный запахом горящего текстолита. Котька запустил самописный софт. Графики на экране поползли вверх, завибрировали и превратились в хаос.

«Любопытно, – прошептал Котька. – Энергетический всплеск зашкаливает. И... очаг аномалии смещается. Прямо по канализационному стояку. Будто вся система труб стала волноводом для нашего выброса».

В этот момент «пертурбатор» взревел. Из его недр вырвался сноп искр ядовито-изумрудного цвета – словно треснула сама плёнка реальности. Воздух сгустился, затрепетал. Свет погас и вспыхнул снова, но стал призрачным, водянистым. Гул опустился в инфразвук, заставляя вибрировать зубы.

И тут из-за перегородки, из общажного санузла, донёсся не просто звук слива. Это был низкий, протяжный, космический вздох, будто где-то захлопнулась дверь размером со вселенную. За ним – нарастающий водоворотный гул, идущий прямо из фаянсового жерла.

«Коть... слышал?» – тихо спросил Вася.

«Слышал, – бледнея, кивнул Котька. – Кажется, мы не самогон сгенерировали. Мы сгенерировали... дыру. И она почему-то облюбовала наш сортир».

Дверь в санузел, чуть приоткрытая, теперь дышала другим воздухом – пахло озоном, грозой и пылью невесты каких эпох. Вася и Котька переглянулись. В их глазах читалось не страх, а ошеломлённое, дикое любопытство. Так начинаются все великие и ужасные открытия. С дыры в пространстве и времени, аккуратно, как злая шутка мироздания, вмонтированной в общажный унитаз.

Глава 2. Утро. Пиво для алхимиков

Тяжёлая, налитая свинцом голова, неумолимое следствие вчерашних «калибровочных» возлияний, настойчиво требовала разрешения давнего вопроса. Вася, спотыкаясь о радиаторы и провода, побрёл в санузел. Котья храпел на стуле, и это было единственным доказательством, что вчерашнее – не сон.

Воздух в крохотной кабинке по-прежнему вибрировал, как над пламенем. Унитаз выглядел невинно. Лишь лёгкий запах озона и старого пергамента напоминал о катаклизме. Сделав необходимое, Вася, зажмурившись, дёрнул за цепочку.

Знакомый гул начался через секунду. Вода закрутилась в идеальную, зловеще бесшумную воронку цвета тёмного нефрита, в центре которой зияла бездна, усыпанная не звёздами, а какими-то быстро несущимися искрами. Прогремело. Всё стихло.

«Работает», – констатировал Вася про себя с чувством, средним между ужасом и гордостью. Он уже хотел уйти, но взгляд упал на бутылку с остатками вчерашнего пива – мутного, зловонного, безнадёжного. Им овладело неудержимое, глупое, чисто научное любопытство: а что если? Руководствуясь принципом «надо же проверить на чём-то несложном», он выплеснул жидкость в фаянсовое жерло.

На этот раз гул был глуше, с отзвуком далёкого грома. Воронка мелькнула, поглотила подношение. И на долю секунды Вася не только услышал из глубины удивлённый возглас и звон меди, но и почувствовал резкий запах дыма, трав и чего-то кислого – то ли вина, то ли уксуса. Свет в санузле мигнул, став на мгновение жёлтым, как пламя свечи.

«Ой... – тихо сказал Вася. – Кажется, я кому-то что-то... отправил».

В субботу 14 июня 1347 года от Рождества Христова, в каменной башне на окраине Парижа, алхимик мэтр Гийом был близок к отчаянию. И тут из стока для нечистот с хлопком и вспышкой сизого света хлынул поток пенистой, золотистой жидкости! Она наполнила медный таз.

Мэтр Гийом, дрожа, попробовал. Через мгновение по его жилам разлилось тепло, боль в спине утихла, а ум прояснился так, как не прояснялся со времён юности. Он выпил ещё.

«Mon Dieu! Источник! Источник самой жизни!» – закричал он, в экстазе глядя на таз. Это было чудо. Или дьявольское наваждение. Но разница для алхимика, жаждущего открытия, была призрачной.

Через час у его башни бушевала толпа коллег. Они нюхали, пробовали, спорили. Вердикт: «Эликсир Витаэ»! Мэтр Гийом, запинаясь, рассказал о вспышке и вратах. Это был знак.

«Братья! – взревел седобородый алхимик по имени Клод, высоко поднимая кубок с пивом. – Эти врата – величайшая тайна и величайшая опасность! Профаны – король, церковь – узнают, они отнимут его! Мы должны захватить и удержать проход! Объявляем Священную Войну За Источник! Мы найдём того, кто управляет потоком, и заставим его служить нам! In aqua vitae – potestas nostra! (В воде жизни – наша сила!)»

Идея овладела умами мгновенно. Забыты были философский камень и трансмутация свинца. Теперь была цель – контролировать таинственный источник, извергающий эликсир. Они поклялись найти «хранителя врат», будь то демон, ангел или наивный дух стихии. Начали коваться первые планы, связанные с жертвоприношениями драгоценных металлов и чтением звёзд для «укрепления портала». Зарождался не просто казус, а полноценный, фанатичный временной парадокс.

А Вася Петухов в это время, вернувшись в комнату, ткнул Котью в бок:

«Слушай, а теоретически... если в дыру во времени что-то упало... это считается мусором на чужой территории?»

«Захоронением межвременных отходов... займётся специальная комиссия... – пробормотал Котька, не открывая глаз и зарываясь носом в клавиатуру. – А сейчас... комиссия спит. Не шуми. Воюешь тут...»

Вася вздохнул и лёг на койку, глядя в потолок. У него начинало складываться смутное, но очень неприятное ощущение, что его скромная общажная жизнь вот-вот станет сильно сложнее. И он был, как выяснится вскоре, чертовски прав.

Глава 3. День. Гость из плейстоцена

Тишина, наступившая после утреннего «пивного инцидента», была зловещей. Вася и Котька провели полдня в бесплодных попытках анализа аномалии. Мультиметр героически сгорел, показав «бесконечность» на шкале сопротивления.

«Феномен стабилен, – подвёл итог Котька, тыкая карандашом в обгорелый прибор. – И запускается актом смыва. Вода – курок. А целевая эпоха определяется, видимо, квантовыми флуктуациями в момент прохождения потока через эпицентр. Короче, лотерея».

«Замечательно, – пробурчал Вася. – У нас в туалете вместо дыры – слот-машина «Угадай эпоху». И пока что мы только проигрываем».

Внезапно из-за двери санузла донёлся нарастающий хруст, будто ломались вековые сосульки, а затем – глухой, мягкий удар, от которого задрезжала перегородка. За ним последовало шлёпанье, напоминающее падение мокрого ковра, и жалобное, носовое похрюкивание.

С перепугу вооружившись шваброй (Вася) и массивной боковой панелью от системника (Котька), они приоткрыли дверь.

На полу расплывалась лужа ледяной, кристально чистой воды. А рядом с унитазом, неуклюже перебирая мохнатыми ногами-столбиками, сидел зверь. Ростом с крупного телёнка, но приземистый и целиком закутанный в длинную, свалывшуюся от влаги шерсть коричнево-бурого цвета. Существо обернулось. Два чёрных, как угольки, глаза уставились на людей с немым укором. Из-под маленьких, загнутых бивней свисал хоботок, которым оно теперь растерянно шлёпало по кафелю, издавая мягкий звук «пшшых-пшшых», похожий на шелест мокрой шерсти.

«Мамонтёнок, – ахнул Котька, опуская импровизированный щит. – Подросток. *Mammuthus primigenius*. В нашей... ванной».

«Он замёрз и напуган», – почему-то первым делом сказал Вася, и это была чистая правда.

Зверёныш, почувствовав отсутствие немедленной угрозы, поднялся и, шаркая когтями по полу, подошёл к Васе, обнюхал его тапок хоботом и тихо, жалобно вздохнул. Затем он двинулся к едва тёплому радиатору и прижался к нему всем телом, замёрзшая шерсть дымилась лёгкой струйкой пара. На кафеле остались круглые, влажные следы с отпечатками чего-то цепкого.

В коридоре раздались бодрые шаги и голос заведующей: «Петухов! Опять у вас потоп? Я снизу слышу – бульк, бульк, бу-у-ум!» Дверь в комнату распахнулась, и на пороге возникла тётя Галя в ситцевом халате.

Друзья встали в проёме санузла, как скала. «Тётя Галь! Всё под контролем! Эксперимент по гидравлике! Вода выплеснулась!» – выпалил Вася.

«Случайно, – добавил Котька, неестественно оскалившись в улыбке. – Казус».

Тётя Галя прищурила опытный глаз. Её взгляд пробежал по их виноватым лицам, по луже и остановился на мохнatom комочке, выглянувшем из-за ног. Мамонтёнок, заинтересованный новым голосом, высунул хобот и издал своё «пшшых».

Пауза повисла густо. Тётя Галя тяжело вздохнула. «И сколько можно? То каракатица, то... что это теперь? Суслик болотный?»

«Водяной! – почти взвизгнул Вася. – Сибирский! Редчайший! Для исследований!»

«Мокрый, бедолага, – покачала головой тётя Галя. – Ишь, трясётся. Вы его обогрейте, полотенцем оботрите. И чтобы к ужину было сухо! И ни одного... суслика по этажу! Ясно?» Сделав пометку в блокноте («312 – гидрология, мокрый зверь»), она удалилась.

Вася и Котька рухнули на кровати. Мамонтёнок, ободрённый, вышел из укрытия и начал обнюхивать комнату. Его сразу привлекла куча вещей в углу, где лежала пёстрая, пахнущая тайгой и дымом занавеска соседа – Алексея с Чукотки.

Вернувшийся Алексей застыл на пороге с пакетом в руках. Его широкое, скуластое лицо отразило шквал эмоций: недоверие, потрясение, а затем – безграничную, почти мистическую нежность. Он, не сказав больше ни слова, опустился на колени. Их взгляды встретились – чёрные, тоскливые глаза зверя и знакомые, родные глаза человека Холода.

«Это... водяной суслик», – слабо повторил Вася заезженную пластинку.

Алексей не слышал. Хоботок потянулся, обнял шею парня, обнюхал его кожаную куртку. И тогда Алексей запел. Горловую, протяжную мелодию, в которой был свист ветра в степи, скрип саней по снегу и покой вечной мерзлоты.

Мамонтёнок затих. Его дрожь унялась. Он привалился к Алексею всем своим тяжёлым, тёплым боком и закрыл глаза. Казалось, он нашел то, чего не хватало его плейстоценовой душе – узнаваемый отзвук дома.

«Он мой, – тихо, но с непоколебимой уверенностью сказал Алексей, поднимаясь. – Он здесь тоскует. А я знаю, как лечить тоску по дому».

Так в комнате 312 поселился Хыч («Маленькое Облачко»). Он ел морковь, путал провода хоботом и, когда на улице холодало, подолгу смотрел в окно, словно видя за стеклом не панельные дома, а бескрайние мамонтовые степи, уходящие в туман тысячелетий. А из приоткрытой двери санузда доносился едва слышный треск – тиканье часов, которые вот-вот должны были пробить очередной час странностей.

Глава 4. Вечер. Визит хронополиции

Вечерний покой в комнате 312 был обманчив. Хыч, свернувшись калачиком, храпел, изредка подрагивая. Вася и Котька вполголоса спорили, можно ли считать мамонтовую шерсть возобновляемым ресурсом, если аккуратно её вычёсывать.

Внезапно Хыч проснулся. Он поднял голову, развернул уши-локаторы и, фыркнув, устоял на санузле. Оттуда пошёл звук – не гул, а тонкий, пронизывающий писк, будто эхо-сканер настраивался на частоту их реальности. Свет замигал строгими, равномерными импульсами, отмеряя невидимый такт.

«Это не спонтанный выброс, – насторожился Котька. – Это целенаправленный сигнал».

«Похоже, нашу лотерею отследила налоговая», – мрачно пошутил Вася.

Писк оборвался. В тишине стало слышно собственное сердцебиение. И тогда из санузла раздались чёткие, отмеренные шаги – клац, клац, клац – по кафелю.

На пороге комнаты возник Человек в облегающем комбинезоне цвета жидкой ртути. На груди светился логотип – лента Мёбиуса, затянутая в тугий узел. Его лицо было молодым, но исчерканным усталостью, словно он только что провёл сверхурочную смену длиной в несколько веков. В руках – устройство, тихо посылавшее зелёные волны на экране.

«Эпицентр идентифицирован, – произнёс он голосом, в котором звучала профессиональная скука и глубокая личная обида. – Общежитие, комната 312. Рядом с санитарным узлом. Я даже не удивлён. Все крупные временные катаклизмы начинаются с какой-нибудь ерунды в плохо проветриваемом помещении».

«А вы... кто такой?» – выдавил Вася.

«Агент Службы Временной Стабильности, – отчеканил незнакомец, тыча пальцем в светящийся шеврон. – Сектор «Омега». Можно просто Агент. И я здесь, чтобы вы прекратили этот беспорядок. Немедленно».

«Какой беспорядок? – вступился Котька. – У нас частный исследовательский проект!»

«Проект, – передразнил его Агент. – Вы называете проектом создание хроно-вихря в канализационном стояке? Из-за вашего «проекта» временные линии спутались в худший клубок за последние пять сотен лет! В тридцатом веке Наполеон Бонапарт выиграл при Ватерлоо!»

Гробовая тишина. Даже Хыч перестал дышать.

«Наполеон? На мамонте?» – ошеломлённо переспросил Вася.

«На боевом мамонте, – кивнул Агент, с ненавистью глядя на Хыча. – Которого вы, по всей видимости, позаимствовали из плейстоцена для своих... ну, не знаю, для чего. И тем самым дали идею. Теперь у него целая кавалерия. С пушками на спинах. И благодаря этому историческая Франция не закончилась, а... продолжилась. Весь тридцатый век – это ампир, пар и запах мамонтового навоза. У меня от этого аллергия».

Котька сел, схватившись за голову. «Эффект бабочки... в мамонтовом масштабе...»

«Не говорите про бабочек! – взорвался Агент. – У меня из-за ваших бабочек форма парадная – треуголка!» Он с досадой сдернул со своей головы плоский, стильный головной убор из того же перламутрового материала и швырнул его на кровать.

«И... что теперь?» – спросил Вася, чувствуя, как его мир съёживается до размеров общажной комнаты с дырой в истории.

«Теперь вы исправляете, – холодно сказал Агент. – Я могу найти дыру и пролезть через неё, но для тонкой работы – чтобы всё вернуть на место и «зашить» разрыв – мне нужен доступ с вашей стороны. Ваше участие, ваш «почерк» в эпицентре. Без вас я как хирург с завязанными глазами. Нам нужно совершить три вылазки: вернуть мамонта, изъять утренний «подарок» и подсунуть Наполеону неправильные карты. И сделать это до того, как ваша смотрительница...»

«Тётя Галя», – подсказал Котька.

«...тётя Галя, – кивнул Агент, – заподозрит не милых зверюшек, а полномасштабный кризис мироздания».

Как по зову, в коридоре загрохотали шаги и раздался голос: «Петухов! У вас там опять световое шоу? И кто это ходит каблуками в ночное время?»

Агент мгновенно преобразился. С него слетела вся официальность, осталась чистая, животная паника. Он судорожно сунул светящийся планшет за спину, пытаясь прикрыть его полкой комбинезона. «Быстро! Куда-нибудь!»

«В шкаф!» – зашипел Вася.

«Я в этом? В шкаф? Я как новогодняя гирлянда в нём засвечусь!» – прошипел Агент, тыча пальцем в свой блестящий наряд.

Дверь распахнулась. Тётя Галя увидела нового человека в футуристическом комбинезоне, планшет и бледные лица ребят.

«Это... – начала она.

«Новый практикант! – выпалил Вася. – С кафедры исторического моделирования! Приехал к нам... изучать экосистему!»

«Да, – подхватил Агент, пытаясь изобразить безобидную улыбку. – Я из очень... отдалённого кампуса. Интересуюсь местной фауной». Он неуклюже помахал рукой в сторону Хыча.

Тётя Галя скрестила руки. «Костюмчик у вас... для моделирования очень блестящий. И лицо... знакомое. Ах да, как у того попугая, что у химиков от паров убежал и в лифте жил. Надолго?»

«На несколько дней, – поспешно сказал Агент. – Помогу с исследованиями. И... с общественными работами».

«Работы – это хорошо, – кивнула тётя Галя, не сводя с него прищуренного взгляда. – Костюм смените. А то весь этаж будет думать, что мы запустили спутник из туалета. И светом не мигать!» Бросив последний, пронизывающий взгляд, она ушла.

Агент облегчённо выдохнул. «Ваша администратор... она видит слишком много. Ладно, – он посмотрел на троицу. – Команда, так команда. Завтра – первый прыжок. В плейстоцен. Одевайтесь соответственно. И... захватите ножницы. Шерсть, говорят, там отменная».

В ту ночь сон не шёл ни к кому. Вася и Котька осознавали, во что ввязались. Алексей молча гладил Хыча, готовясь к прощанию. А Агент, сняв ботинки, сидел на табурете, держа в руках банку тушёнки «Весёлый турист». Он открыл её вложенным в карман мультитулом, аккуратно понюхал, попробовал... и его уставшее лицо озарилось блаженной улыбкой.

«А ведь здесь... есть свои плюсы, – прошептал он, закусывая тушёнку сухариком. – И еда... она здесь какая-то... честная».

Глава 5. Прыжок. Ледниковый период и варежки из шерсти

Подготовка к прыжку напоминала сборы нелепой полярной экспедиции. Агент, укутанный в дублёнку Алексея, колдовал над сканером, создавая «обратный хроно-вектор».

«Принцип – обратная наводка, – бубнил он, прикрепляя щупы прибора к клочку шерсти с бока Хыча. – У каждого объекта в потоке времени есть уникальная сигнатура – след его присутствия в континууме. Мы считываем её с мамонтёнка и задаём portalу точные координаты – не просто «давно», а конкретное «когда и где». Это как вернуть потерянную вещь по вшитому в подкладку чипу».

«Гениальная реверсивная синхронизация, – восхитился Котька. – Считываем метку дислокации и запускаем компенсационный протокол».

«Если так легче, то да», – буркнул Агент.

Тяжелее всего было прощание. Алексей не проронил ни слова. Он прильнул лбом к мохнатому лбу Хыча и застыл так на долгие секунды. Поднявшись, он выглядел твёрдым, как вечная мерзлота. «Вперёд. Его семья ждёт».

Портал открылся не от воды, а от импульса сканера. В воздухе зависло дрожащее, словно от жара, «окно», а за ним – белая, бескрайняя равнина под низким, тяжёлым небом. Пахло льдом и пустотой.

«Не отпускайте друг друга, – скомандовал Агент. – Фаза перехода может быть резкой».

Резким был не переход, а удар холода. Он обрушился, как физическая стена, выжимая слёзы и мгновенно замораживая их на щеках. Они стояли посреди белого ничто. Только снег, завывающий ветер и на краю мира – сизая, циклопическая громада ледника.

«Берингия, – пробормотал Агент, сверяясь с прибором. – Точка попадания в норму. Стадо в пяти километрах. Двигайтесь, если не хотите стать памятниками самим себе».

Хыч ожил моментально. Втянув воздух хоботом, он издал радостный звук и уверенно пошёл вперёд, проваливаясь в снег, но не сбавляя шага. Алексей шёл рядом, его силуэт сливался с силуэтом зверя.

Путь был пыткой. Два часа борьбы с метелью и сугробами. Но когда они выбрались на небольшой увал, открывшаяся картина остановила дыхание.

У подножия ледника, на фоне синего льда, двигалась жизнь. Десятки исполинов, покрытых длинной шерстью, похожие на ожившие, покрытые инеем холмы. Раздавался низкий гул, хруст снега, трубные переделки. Это был мир, настоящий, неоглядный, из глубины времён.

Хыч замер, затем издал пронзительный, зовущий клич. Из группы гигантов ему ответили. Он в последний раз обернулся к Алексею. Человек кивнул. И мамонтёнок побежал вниз, к своему племени, растворяясь среди великанов.

«Точка возврата зафиксирована, – тихо сказал Агент, не отрываясь от экрана. – Парадокс снят. Теперь – вторая часть задачи. Шерсть. Смотрите по сторонам».

Оказалось, мамонты, линия, оставляли целые залежи шерсти на камнях и корявых кустах. Они нашли место, где гигант явно чесал бок – на скале висели толстые, войлокообразные пласты бурого волокна.

«Никого стричь не придётся, – с облегчением сказал Вася, сгребая драгоценный материал в рюкзак. – Они сами щедры».

«Устойчивый сбор, – одобрил Котька. – Без ущерба для экосистемы плейстоцена».

Именно в момент, когда рюкзак был застёгнут, из-за поворота скалы вышел он. Саблезубый кот. Его бледная шерсть сливалась со снегом, выделялись лишь тёмные полосы и два изогнутых клыка, длинных, как кинжалы. Его жёлтые глаза изучали их без страха.

«Назад. Очень медленно, – прошипел Агент, рука потянулась к цилиндрику на поясе. – Не смотрите в глаза, но и не поворачивайтесь».

Алексей снова шагнул вперёд. Он не принял позы. Он просто встал, заполнив собой пространство между хищником и людьми. И издал звук. Рык шёл из самой глубины груди – низкий, вибрационный, полный абсолютной, дикой уверенности. Звук, не оставлявший сомнений: я здесь хозяин.

Смилодон наклонил голову, прижал уши. Он учуял не добычу, а равного. Мгновение колебаний – и он, фыркнув, развернулся и бесшумно исчез среди скал.

«Я... даже испугаться не успел», – выдохнул Вася.

«Здесь не его время бояться, – сказал Алексей, поворачиваясь. Лицо его было спокойно. – Наше время уходить».

Обратный портал они нашли в небольшой пещере, куда указал сканер. Прыжок домой был стремительным и тёплым. Их выплюнуло в знакомый санузел, в кучу тающего снега и объёмную, сладкую усталость.

«Миссия выполнена, – Агент отстегнул сканер и глубоко, с облегчением, вздохнул. В уголке его рта дрогнуло подобие улыбки. – Объект возвращён. Ресурс добыт. Парадокс номер один – ликвидирован».

Алексей молча сидел на краю ванны, сжимая в руке последний клочок мамонтовой шерсти.

Их покой нарушил стук и голос тёти Гали: «Петухов! Открывайте! Что за караван у меня в коридоре прошёл? И сугроб у двери? И где ваш водяной суслик?»

Вася открыл дверь, демонстрируя рюкзак, набитый шерстью. «Тётя Галь, это не сугроб, это... наглядное пособие по мерзлотоведению! Суслик, к сожалению, не перенёс полевых условий. А шерсть... это для дипломной работы Алексея! По древним технологиям утепления!»

Тётя Галя посмотрела на влажные полы, на странную компанию, на отсутствующее лицо Алексея и на невероятную кучу грязной шерсти.

«Дипломная... – протянула она, сужая глаза. – Понятно. Но чтобы завтра – ни снежинки, ни шерстинки! И диплом пусть Алексей защищает на «отлично». А то я заведу на вас отдель-

ную папку «необъяснимые явления». И она будет толстой». Она ушла, качая головой и что-то энергично строча в свою вечную тетрадь.

Первая вылазка была окончена. Вечером они пили чай, а шерсть, разложенная для просушки на батареях, наполняла комнату тёплым, древним запахом степи и свободы. Завтра их ждали алхимики и пропавшая пивная чаша. Но сегодня они просто молчали, вспоминая ветер, ледник и маленькую мохнатую фигурку, нашедшую свой дом в белом мареве вечности.

Глава 6. Вторая вылазка. Чаша алхимика

Средневековые встретили их не холодом, а плотной стеной запахов: дым, воск, человеческий пот, навоз и вездесущая вонь подгоревшей похлёбки. Выбравшись из кустов, трое «монахов» увидели башню Гийома, превратившуюся в укрепленный штаб. У входа кипели страсти.

«План «Б» в силе: легальное проникновение, – напомнил Агент. – Я говорю, вы – благоговейно молчите. Алексей, ты – тыл, держи точку возврата на виду». Алексей молча кивнул и растворился в тени старого дуба, его неподвижная фигура моментально слилась с корой.

У входа стражники преградили путь. Агент засыпал их старофранцузской скороговоркой, цитатами и намёками на щедрое пожертвование. Блеск серебряных монет сделал своё дело.

Внутри царил хаос веры и псевдонауки. На бархатной подушке поблёскивала та самая медная чаша. Запах – слабый, но узнаваемый – «Балтика №9», вчерашняя, тёплая. Мэтр Гийом, с глазами фанатика, вещал: «Братья! Расчёты гласят: для укрепления врат нужна жертва одушевлённая! Дух, заточенный в серебре!»

«Кота что ли принести хотят?» – с ужасом подумал Вася, заметив на сундуке мирно спящего полосатого кота. К счастью, речь пока шла лишь о «духе металла».

План родился мгновенно. Пока шли споры, стражник у двери отвлёкся на торговца. Агент начал диверсию с вещим сном о «семи источниках». Но когда Вася и Котья подошли к пьедесталу, к ним направился молодой алхимик с хищным лицом. «Вы что-то хотели, братья?»

Котья, не моргнув глазом, указал на потолок, где на балке сидел жирный паук, и стал беззвучно шептать, делая вид, что изгоняет нечисть. Алхимик на секунду отвлёкся. Этого хватило. Вася взял чашу, почувствовав под пальцами липкий налёт. В тот же миг Котья из-под рысы подсунил на бархат рыночную копию. Настоящую чашу Вася спрятал за пазуху.

Они уже отходили, когда молодой алхимик обернулся. «Стойте! Чаша... её блеск померк!» Это была просто тень от облака, но её хватило. «Изменение ауры! – взревел мэтр Гийом. – Колдовство! Держать их!»

Начался переполох. Агент, крикнув «К дубу!», отчаянно загородил путь, сыпля латинскими заклинаниями. Вася и Котья рванули к выходу, сшибая по пути кувшин. Погоня захотала у них за спиной.

Они неслись по деревне, сжимая ношу. Крики «Воров! Еретиков!» гремели всё ближе. Агент догнал их у дуба. «Алексей!» Тот, не спрашивая, метнул в преследователей здоровенную шишку. Она угодила молодому алхимику прямо в лоб. Тот вскрикнул, споткнулся и задержал толпу.

Этих секунд хватило. Агент ударил по сканеру. Портал развернулся в воздухе. Они прыгнули в мерцающий разлом, когда дубина первого стражника уже свистела у них над головой.

Их выпшвырнуло в санузел в кучу-малу. Чаша с глухим лязгом покатилась по кафелю.

«Целые?» – выдохнул Котья.

«Без потерь, – сказал Агент, проверяя прибор. – Но шляпу, кажется, отдал средневековой на память».

В комнату вошёл Алексей (настоящий). «Слышал грохот. Успех?»

«Успех, – Вася поднял чашу. – Трофей добыт».

Тихий стук в дверь заставил всех вздрогнуть. На пороге стоял сосед снизу с перламутровой треуголкой в руках. «Это... ваше? С неба упало. Чуть в компот не шлёпнулось».

Агент молча забрал шляпу. «Реквизит. Выпал во время... творческого порыва».

Сосед кивнул, бросив взгляд на чашу, но деликатно ретировался.

Через пять минут в коридоре прогремело: «Петухов! Объясните тишину и порядок! И шляпу-невидимку! И медный таз!»

Тётя Галя вошла и застыла: трое в грязных рясах, Алексей, чаша на столе, футуристическая треуголка.

«Объясняйте. Сначала про таз».

Вася глубоко вздохнул. «Тётъ Галь, это... кросс-культурный проект! Реконструкция обмена дарами между чукотскими шаманами и... западно-европейскими монастырями! Чаша – символ диалога! Одежды – для аутентичности! Шляпа – современная интерпретация шаманского убора!»

Тётя Галя долго смотрела на него, потом на чашу, потом на Агента.

«Шаманы... монахи... – наконец изрекла она. – Понятно. Значит, завтра у вас межконфессиональный симпозиум с практикумом? Отлично. Но чтобы к утру весь этот дипломатический скарб был убран. И симпозиум – только с санкции профкома. Уяснили?» Не дожидаясь ответа, она вышла, бормоча: «Раньше самогон гнали – и то культурнее...»

Когда дверь закрылась, Агент сбросил рясу. «Парадокс второй – ликвидирован. Теперь Наполеон. И это, – он мрачно посмотрел на свою треуголку, – будет актом исторического возмездия». Он поставил чашу в угол. «Завтра займёмся диспозицией для императора. У меня созрел план с картами... московского метрополитена».

Глава 7. Финальный прыжок. Диспозиция для императора

Операция по спасению истории вступила в финальную фазу. На столе лежало главное оружие – схема московского метро. «Абсурд как тактический приём, – говорил Агент. – Его стратегический ум увязнет в этом лабиринте. А кириллица станет непреодолимой стеной. Он будет искать логику там, где её нет – в «расписании движения поездов».

Внедрение прошло без сучка. Но лагерь 1815 года поразил их. Он гудел, как улей, и пах порохом, потом и... мамонтами. Исполины в боевых пополах были повсюду. Проходя мимо одного, Вася почувствовал лёгкое прикосновение хобота к плечу. Мамонт фыркнул, в его маленьком глазу мелькнуло что-то вроде смутного узнавания, и он отвернулся. Сердце Васи ёкнуло.

В палатке Наполеона царило напряжение. Император, с лицом, высеченным из усталого гранита, жадно впился взглядом в новую «карту». Вася, вспотев от старания, водил пальцем: «Вот... «Смоленская». Укрепрайон. Отсюда противник может контратаковать через... «Арбатский тоннель».

«Тоннель? – переспросил Наполеон. – Они роют подземные ходы?»

«Да, ваше величество! – поддержал Агент. – Новая тактика. Грязная и коварная. Но обратите внимание на разрыв между «Охотным рядом» и «Площадью Революции». Это ахиллесова пята!»

«Революции... – задумчиво повторил Бонапарт. – Знакомое слово. Значит, здесь и надо бить». Он был уже покорён сложностью головоломки.

Пока император чертил на полях схемы стрелы наступления, Агент собрал подлинные карты. Миссия была выполнена. Они отклонялись и растворились в вечернем лагере.

Обратный путь стал проверкой на нервы. Дважды они прятались в тени повозок от патрулей. И когда до спасительной рощи оставалось несколько десятков шагов, их догнал офицер, командовавший мамонтами.

«Баварцы! Стойте! Кто этот «Ленин», чьё имя на главном редуте? И что значит «выход в город»?»

В его голосе звучало не просто любопытство, а тревога. Солдаты сомкнули круг.

И в этот момент из рощи, от самого эпицентра аномалии, донёсся звук. Протяжный, тоскующий, полный ледяного ветра и свободы – зов мамонта. Алексей, оставшийся на той стороне, не просто включил запись. Он «направил» её через истончившуюся ткань реальности, создав жутковатую, живую иллюзию.

Офицер побледнел. «Чёрт! Стадо срывается с привязи! За мной!» И вся группа ринулась прочь, в ночь, на звук призрака из другого времени.

Герои не ждали второго шанса. Они ворвались в рощу и прыгнули в пульсирующий овал портала, который уже начинал терять стабильность.

Возвращение было странным – пустота после долгого напряжения. Работа была сделана. Оставалось последнее.

Агент подошёл к фаянсовому жерлу, где аномалия тихо шипела, как невидимая змея. В его руке лежала карта «Мир» с нулевым балансом – идеальный символ тупика.

«Спасибо за странствия, – сказал он тихо и бросил карту в бездну. – Пора закрывать гештальт».

Портал среагировал яркой вспышкой, втянул в себя пластик и схлопнулся с чистым, высоким звуком, похожим на звон тонкого стекла. Дрожь в воздухе прекратилась. Санузел стал просто маленькой, тесной комнаткой.

«Конец, – констатировал Котька.

«Не конец, – возразил Алексей. Он наклонился и из-под занавески вытащил большой, изогнутый бивень. – Начало памяти».

Агент стоял у окна, глядя на робкий рассвет между панельными домами. «У нас небо – это голограмма. И дождь пахнет озоном от очистителей. Здесь... пахнет жизнью. Даже этой общей». Он повернулся. «Я остаюсь. Если ваша цивилизация в лице тёти Гали готова принять дезертира из будущего на должность дворника».

Он протянул Васе серебристую пластинку. «Шпаргалка. На все вопросы. Твой золотой билет».

Вася взял её. Она была холодной и немой. «А как...»

«Никак, – честно сказал Агент. – Язык эпохи, которой ещё нет. Но оставь. Как напоминание, что самые ценные ответы иногда приходят в самой бесполезной форме». Вася вздохнул и сунул пластинку в учебник по сопромату – как закладку на самой сложной главе. Пусть лежит.

И, как высшая инстанция, в дверь постучала тётя Галя. Она вошла, и её взгляд, как сканер, прошёлся по послевкусию авантюры: шерсть, карты, чаша, бивень, новый человек.

«Отчёт. Кто это? И что за клык доисторический?»

«Новый сотрудник хозяйственной части, тёть Галь! – отрапортовал Вася. – А клык... нашли при благоустройстве территории. Для музея».

Тётя Галя измерила Агента взглядом. «Без документов, но с желанием? Ладно. Завтра к семи утра к завхозу. А вы, – её палец описал круг, включая всех, – чтобы через час сияло. А этот трофей – в музей. Пусть от ваших эскападов хоть какая-то общественная польза будет».

Она ушла. В комнате воцарилась настоящая, нерушимая тишина. Приключение закончилось.

Агент сел, открыл банку тушёнки. Алексей положил ладонь на бивень. Котька начал аккуратно отсоединять провода от «пертурбатора». Вася смотрел на друзей и понимал, что спас вселенную. Ценой бессонных ночей, абсурдных вылазок и риска быть съеденным саблезубым тигром. Но спас. И что самое ценное – не шпаргалка и не бивень. А вот это: тишина после бури, и люди, с которыми её можно разделить.

А в одном из возможных будущих, где история пошла правильным путём, некий историк, изучая битву при Ватерлоо, на мгновение отвлёкся. Ему вдруг непонятно почему захотелось раздобыть схему московского метро. Просто посмотреть. На странные, красивые линии, которые почему-то казались ему смутно знакомыми. Как отголосок сна.

Конец

Вася Петухов и Чертов обмен

Глава 1. Некорректный вызов объекта

Пролог: Осколки

Воздух в комнате № 308 шестого общежития Физтеха к полуночи достиг консистенции студенческой каши из столовой: густой, липкий и отдающий кислинкой прожитого дня. Он был соткан из испарений дешёвого порошка, аромата вчерашних пельменей, подгоревшей на электрической плитке пшеничной каши и той особенной пыли, что оседает на книгах, которые открывают лишь перед экзаменом. Свет от старого монитора, жужжавшего, как рассерженный шмель, выхватывал из темноты не столько предметы, сколько их усталость: сгорбленный чайник с отбитым носиком, три скривившихся от времени стула, фантики на подоконнике, похожие на увядшие осенние листья.

За окном осенний дождь не стучал, а шипел – тонкими иглами о жестяной карниз, словно пытался пробраться внутрь, к теплу и человеческим голосам. Этот звук сливался с мерным храпом кого-то из соседей за стеной и тиканьем настенных часов, чья секундная стрелка двигалась с видом замученного жизнью чиновника.

В центре этого мира, заваленный распечатками и конспектами, на которых поля были испещрены не формулами, а нервными рисунками драконов и лиц, сидел Вася Петухов. Он ощущал себя не в своей тарелке с того самого дня, как переступил порог этого института. Он был здесь аномалией, ошибкой в стройном уравнении. Его мозг, прекрасно приспособленный для улавливания скрытых смыслов в строках Достоевского и иронии в диалогах Чехова, отказывался принимать квантовую запутанность и тензорный анализ. Для него эти дисциплины были не наукой, а видом особой, изощренной магии, чьи правила писались на языке, лишённом образности и души. Он поступил сюда по настоянию отца – инженера старой закалки, верившего, что «технарь всегда прокормит себя», а «лирики – это балласт». Теперь этот балласт давил на Васину грудь тоннами непонимания и страха.

– Ребят... – его голос прозвучал хрипло, будто пересох от долгого молчания. Он отодвинул пустую бутылку кваса «Староквашенный», в котором, как подозревали все обитатели блока, градус был куда выше заявленного. – Я тону. Seriously. Завтра кванты, а у меня тут... – он ткнул пальцем себе в висок, – не суперпозиция, а классическая помойка. Нужно чудо. Или катастрофа. Чтобы хотя бы отвлекли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.